

18+

Валера Нематрос

Завтра

Валера Нематрос

Завтра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66300162

SelfPub; 2021

Аннотация

Жизнь – черно-белые полосы, но что, если твоя жизнь случайно повернулась вдоль черной? Хроника пикирующего...

Валера Нематрос

Завтра

Вам доводилось участвовать в собственной казни?

Идти по прихваченной изморозью утренней зимней площади в старых казенных башмаках, пытаясь представить, сколько заключенных до тебя отправились в них в свой последний путь. Делать вдох за вдохом, стараясь надышаться впрок. Ощущать, как мерзнут руки, и знать, что может только потому ты еще жив, что тащишь ее, жизнь, на кончиках обмороженных пальцев.

И потом, замерев на точке, при полном холщовом параде посреди города в компании таких же бедолаг, но в абсолютном одиночестве, ждать залп под гулкий метроном сердца.

Или взойти на эшафот и видеть притихшую толпу не поленившихся собраться в столь ранний час сограждан. Знать, что они разойдутся по своим домам, к своим заботам и радостям, а твой путь закончится здесь. Прикинуть напоследок, где и когда ты свернул не туда на дороге жизни, разглядеть поверх любопытных голов черепицу крыш, что уже чуть подкрасил рассвет, и загадать еще хотя бы раз увидеть солнце.

Неважно, виселица это или гильотина, электрический стул или инъекция. Есть приговор, есть палач, все остальное – бюрократия.

Но что, если выносишь приговор и приводишь его в исполнение ты сам? Что, если у тебя есть только грязно-белый прямоугольник потолка? Он и дикое желание придушить Гузеву.

– Что будете пить? – спрашивает она, – минеральная вода? Сок?

Я только проснулся, и ее обращение вытащило меня из дремы, поэтому расслышал только что речь шла вроде про сосок.

Она в коралловой униформе, и ее грудь на уровне моих глаз. Грудь большая, и сосок на ней наверняка есть.

– Ага, давайте, – говорю я. От соска не привык отказываться с младенчества.

Она смотрит на меня и улыбается, ожидая конкретики.

Окончательно просыпаюсь: самолет, тележка с едой и напитками, стюардесса. Она красивая, такую несложно полюбить с первого взгляда.

– Можно мне... – голос осип после сна, – кхе-кхе. Можно мне кофе с лимоном?

Тут же корю себя за дурацкое «можно», как будто она вправе мне что-то запретить. «Будьте добры» или «я предпочел бы» звучало бы куда уместнее.

– Кофе, к сожалению, нельзя, – виновато улыбается она.

Вот это поворот. Оказывается, вправо. Просыпаюсь окончательно и бесповоротно.

– Мы в зоне турбулентности, и горячие напитки пассажирам не предлагаются. В целях безопасности.

Она застала меня врасплох, выдернула из сна, когда я не ощущаю грани между реальностью и видением. И да, я тоже в турбулентности. Вроде в ней, в ее лице ничего сверх нормы или наоборот – два глаза, один нос с ноздрями, рот, уши, щеки, но то, как они расположены, создает в моем мозгу образ зовущий, хватающий и тянущий к себе.

Она красива, и я, собственник по натуре, хочу обладать ею полностью, целиком, не позволять никому даже смотреть на нее, не то, чтобы принимать из ее рук стаканчик с вишневым или апельсиновым соком.

– Хрен с ним, давайте минералку, – хрипло отвечаю наконец. И после паузы добавляю: – с лимоном.

Пока она наливает минералку, наблюдаю за ее рукой – приятная, ухоженная с нежной и мягкой кожей, кольца нет. Беру стаканчик так, чтоб коснуться кисти и убедиться, что не обманулся в предположении о нежности кожи. Меня словно бьет током и, кажется, ее тоже.

Сногсшибательно улыбаюсь, но она уже вопросительно смотрит на моего соседа – усатого водителя циркового автобуса с мягкой речью и твердыми принципами.

– Мне, дочка, соку три стакана, любого, – отвечает он. Его зовут Михал Михалыч, и в цирке он работает двадцать семь

лет. Эта информация никому не нужна, но он ей охотно делится. Примерно час назад он обменял обширную базу знаний о себе на мое хорошее настроение. Неравнозначный обмен, от продолжения которого спасли наушники с плавным погружением в сон.

Она чуть наклоняется, подавая Михал Михалычу первый стакан. Я мог бы просто податься вперед и укусить ее за сосок прямо через ткань, но продолжаю сидеть неподвижно. Нерешительность часто подводит меня в важных жизненных ситуациях.

Обнадеживает только, что она повторит движение еще два раза – жадность Михал Михалыча вполне уместна. Предполагаю, что мог бы вот так же сидеть на кухне в трениках и майке, а она бы колдовала у плиты божественный завтрак.

– Вам не говорили, что... – начинаю я тупой подкат и прерываюсь на середине.

Она отвечает мне взглядом медсестры из психиатрии на тихого помешанного. Я наконец могу прочитать бейдж – Милена.

– Не говорили что? – спрашивает Милена.

– Да, не говорили что? – интересуется Михал Михалыч.

Самолет перетряхивает. Загораются световые табло. Раздача пищи и мой дешевый флирт на этом завершаются.

На белой футболке Михал Михалыча растекается апельсиновый принт.

– К удаче, – улыбается он.

Самолет вошел в грозовой фронт, вторгся в лоно стихии. Раздается хлопок, и это не аплодисменты.

– Наверное молния попала в турбину, – пожимает плечами Михал Михалыч, – так что, если мы разобьемся, передайте моей жене, что я ее любил.

Пытаюсь сообразить, как же должны сложиться обстоятельства, что при авиакатастрофе на высоте десяти километров я что-нибудь расскажу его жене. При этом завидую его спокойствию.

Мимо торопится Милена, ни жестом, ни взглядом не выдавая свое волнение – инструкции, выправка, внутренний стержень.

Поднимаю руку, как прилежный школьник. Она наклоняется ко мне, чуть нетерпеливо, но все так же приветливо.

Самолет трясет, и она почти падает на меня; теперь между нашими лицами всего ничего.

– Если мы приземлимся, – говорю я совершенно серьезно, – я на вас женюсь.

– Да, мы поели, – улыбаюсь я в трубку, представляя, как она на том конце морщит носик – она всегда так делает, когда сомневается, но не хочет этого показывать, – Даник уплел две котлеты, а еще мы сходили за арбузом.

Данику четыре, он уверен, что если съешь арбузную ко-

сточку, то она прорастет в животе в целый арбуз. А еще он хочет стать летчиком.

Мне немного больше, и пять лет назад я сдержал обещание жениться, данное его матери в десяти километрах над землей. Тружусь дизайнером, разрабатывая логотипы, а иногда и весь стиль компании под ключ. Стюардессой работать удаленно гораздо сложнее, поэтому Даник большей частью на мне.

Я курю на балконе – никак не могу избавиться от этой дурацкой привычки – и смотрю вниз, на детскую площадку, где малышня играет в песочнице в Ленина и народ. Трое детей усиленно пытаются закопать четвертого, но у них никак не выходит.

Ужасно хочется спать. Был крупный заказ, вылившийся в две бессонные ночи и миллиард безвозвратно покинувших меня нервных клеток. Но это того стоило – мы можем слетать отдохнуть, куда душа пожелает, хоть на неделю, хоть на две.

Захожу в гостиную – Даник дрыхнет на диване, раскинувшись звездой. Он спит так с младенчества, словно пытаюсь обнять весь мир. Кроме меня, разумеется, потому что он сразу решил, что правая половина кровати его, а отец, как взрослый человек, сможет добыть себе что-нибудь еще.

Я ложусь рядом и засыпаю со счастливой улыбкой на лице.

Проснусь несколько часов спустя от надрывного звонка в дверь. Лишь прошлепав к двери соображу, что Даника рядом нет. Потом будут лица, официальные и сочувствующие,

с выпученными глазами и восковые маски. Скорая и полиция. Одни констатируют, другие запротоколируют. Сначала я буду хотя бы рыдать, потом не смогу и этого.

Она позвонит несколько часов спустя, когда приземлится. Спросит, как прошел наш день. Слова застрянут в моей глотке. Слова, что нет больше никаких нас, что этот день стал для Даника последним.

– Ты не закрыл балкон, – скажет она много позже. Когда сможет говорить.

В теле человека больше двухсот костей. Сломать все сразу – особого ума не надо. Остаться при этом в живых – совсем другое дело.

В палате нас трое – я и две мухи. В меня то и дело что-то вставляют, вытаскивают, что-то колют и капают. Мух не трогают.

Гипса во мне больше, чем в Венере Милосской, и не только потому, что у меня на две руки больше. Обе, правда, сломаны. А еще ключица, несколько ребер, челюсть в трех местах. Бедро теперь больше похоже на ведро. С костями разумеется. Медсестры уже шутят, значит я иду на поправку. А раз так, то когда-нибудь я встану на ноги. Мне немного надо – дойти до окна.

Но сначала я разобью проклятый телевизор. Не знаю, кто

лежит в палате напротив, но он смотрит долбаный ящик круглосуточно.

– Это модный приговор. Мы начинаем! – раздаётся из динамика.

Жизнь умеет зло шутить. Сдохнуть от круглосуточного телевещания – приговор действительно модный. Вспоминаю, что читал где-то, как тибетские монахи силой мысли останавливали сердце. Тужусь изо всех сил, но выходит только бздануть.

– Это хорошо, – говорит медсестра, – значит, поправляетесь!

Я забыл, что она здесь, но меня это и не смущает. На самом деле поправляется она, и если не перестанет лопать на ночных дежурствах пирожные, скоро пополнит ряды бодипозитивных инсулинозависимых.

– Я – Лариса Гузеева, и это – Давай поженимся! – доносятся из соседней палаты.

«Давай, сука, поженимся уже!» – хочется крикнуть мне, но членораздельность пока не мой конек. Я готов пережениться на всех до единой, только чтоб мне дали спокойно уйти.

Выбросить телевизор в окно и шагнуть следом. Такой нехитрый план на оставшуюся жизнь.

Влюбленные часов не наблюдают. Я не наблюдаю еще и календаря. Слабо понимаю, когда одна реальность сменяется другой под воздействием алкоголя. Я пью размашисто, самозабвенно, словно перематываю жизнь, не в силах просто нажать на стоп.

Мы давно не виделись. Она ушла с головой в работу, я нырнул на дно стакана и жизни. Я ни от кого не бегу, потому что алкаши со стажем утрачивают беговые функции.

Сначала она еще приходила, и в эти редкие вечера мы делили квартиру, как два привидения делят старый заброшенный особняк. Затем она предпочла гостиницы, а я – портвейн. Я начинаю забывать, как она выглядела. Как выгляжу я, лучше не знать никому.

Мои окна зашторены, в последнее время я не из любопытных. Перестал выходить из дома сразу после того, как наладил канал поставки алкоголя из соседнего магазина в свою квартиру. Магазин держит Вагаршак, и он слабо разбирается в законах. Мы с ним приятели, но это до тех пор, пока у меня есть деньги.

Вот и весь перечень достижений за последние несколько месяцев.

Я открываю глаза, пытаюсь оценить дислокацию. Где-то в коридоре между ванной и кухней, лежу на спине, наблюдая за невозмутимостью потолка. Витрувианский пылесборник. Алкашу лучше бы спать на боку, чтоб не захлебнуться в собственной блевотине, но я стараюсь держать все в себе – и

мысли, и слова, и вчерашнюю скудную закуску. Мне вдруг кажется, что это отличный день, чтоб уйти, нужно только добраться до балкона.

И только сейчас соображаю, что все это время тишину разрывает дверной звонок. Кто-то чертовски настойчив в желании увидеть уровень моего падения. Вряд ли это армянский связной с двумя стволами горькой, тот обычно стучит. Меня начинает разбирать любопытство, на которое, я, был уверен, уже не способен.

Медленно поднимаюсь, оценивая расстояние до входной двери и до балкона. Удивительно, но кажется, я вчера отрубился ровно на середине этого пути. Решаю, что напоследок увидеть хоть кого-нибудь, это вполне сносное испытание, и направляюсь в прихожую. Зеркало который месяц крутит на повторе артхаусный хоррор про человека-алкаша.

Упорно пытаюсь открыть дверь – пальцы не слушаются, словно артритные.

– Чего бль?.. – не успеваю проговорить заготовленное.

На пороге двое пацанов, лет семи. Увидев меня, они собираются дать деру, и это было бы весьма разумным, но один из них останавливается и твердо смотрит мне в глаза. Ему страшно, но мне во сто крат страшнее.

– Возьмите котика, а? – просит пацан и показывает мне волосатое существо из-за пазухи, – ему жить негде.

Ему негде, а мне незачем. Намечается тандем.

– Как звать? – спрашиваю я. Запой приучает к лаконич-

ности.

Пацан пожимает плечами.

– Барсик наверное. Или Мурзик.

– Тебя как звать?

– Ааа. Меня – Андрей.

– Уходи, Андрей. Я собак люблю.

Закрываю дверь. Громко. С хлопком. Показывая, что разговор окончен. Но что-то невидимое, неуловимое успевает проникнуть внутрь. Что-то, как если бы пацан успел подставить ногу и свет узкой полоской шлепнулся на грязный линолеум пола.

Я должен увидеть ее. Хотя бы попрощаться. Это нужно не ей – мне, но ведь я всегда был эгоистом.

Мы сидим в машине, старательно не смотря друг на друга. Она только с очередного рейса, я из длительного запоя. Совершенно чужие люди. Я все еще люблю ее, но сейчас это неважно, и, наверное, уже никогда не будет важным. Нам некуда ехать, но и стоять здесь дольше бесплатных пятнадцати минут я не могу – нечем будет заплатить за выезд.

Завожу двигатель, едем куда-то в ночь. Ругаю себя за то, что вообще приехал. Зачем? Нужно что-то говорить, а слова, которые еще помню, никак не складываются в предложения.

Все едут куда-то, мы едем никуда. Лавирую между машин, будто пытаюсь отыскать на МКАДе ту заветную полосу с номером девять и три четверти, что одним мигом перенесет

нас на другую сторону, в волшебный мир жизни до.

Украдкой бросаю взгляд. В ее глазах будто непонимание, как нужно на меня смотреть, какие эмоции испытывать. От этого злюсь. А еще от своей полной беспомощности. Уже ничего не вернуть, как нельзя склеить осколки вазы или разлепить пельмени. Сегодня в позавчерашний день не только лишь все.

– Высади меня здесь, – тихо произносит она.

Мы где-то между Ярославкой и рассветом. По обе стороны кольцевой мрачный и депрессивный Лосиный остров, и это не лучшее место для одиноких ночных прогулок.

– Я доведу тебя домой. Скажи адрес.

– Высади меня здесь, – повторяет она.

Медленно оттормаживаюсь и съезжаю на обочину.

– Мы могли бы...

– Могли бы, – устало перебивает она, – и наверняка где-то, в одной из тысяч других реальностей мы счастливы. А может быть, в каждой из них, кроме этой. Мне пора.

Она на миг накрывает своей ладонью мою, и меня буквально прошибает разрядом, будто подводя черту под всей прошлой жизнью. Я не могу отпустить ее. Слишком долго все делал неправильно, не то и не так.

Я украду ее еще раз.

Педаль в пол. Отчаянный свист покрышек, кресла мягким толчком в спину, и вот мы уже вновь в потоке, но сейчас это уже совсем другой маршрут. Кажется, я снова вижу путь.

Она закрывает глаза.

Начинаю бешеный заезд, меняя ряды, наплевав на скоростные ограничения, будто показывая мастер-класс опасного вождения. Мчу что есть сил, лошадиных и собственных, тороплюсь, боясь, что с рассветом все пропадет, рассеется, этот короткий проблеск настоящей жизни превратится в тыкву.

Кругом фуры, в каждом ряду. Гигантские ночные бабочки, которые все еще гусеницы. Ухожу вправо, по диагонали через все полосы, но в крайнем правом ярко загораются стопари, ныряю на обочину, а там еще одна фура. Она стоит, а я слишком тороплюсь. На скорости сто сорок вхожу правой стороной под кузов. Его лонжерон сминает мою жестяную коробку. Ноги горят огнем, лицо встречается с рулем. Подушка безопасности спасла кого-то до меня, жаль только, что узнаю об этом при таких обстоятельствах. Успеваю увидеть, как единственный дорогой мне человек превращается в кашу.

Выключается свет.

Днем приходил Борис Дмитрич. Врач от Бога, из того, что было под рукой он смог собрать меня. Но даже ему не под силу оживить Милену.

– Завтра будем учиться ходить. Это долгое занятие.

Я хочу ответить, что мне не нужно долго, мне нужно всего до окна. Борис Дмитрич всегда подтянут, чист, аккуратен и улыбочив. Кажется мягким и добродушным, но когда нужно было восемь часов простоять, штопая меня, он сделал это, как наверняка делал уже не раз. Не знаю, что припасено в его голове для себя, но для каждого из нас он мощный маяк, ориентир, куда и как нужно жить.

Сейчас уже вечер, и если ходить можно будет завтра, почему бы не попробовать сегодня. Мухи подбадривающе жужжат.

Тыдыщ. Тыдыщ. Ходунки громко извещают все отделение о моих передвижениях. Каждый шаг, каждое движение отдается болью, которую не дислоцировать, потому что она везде. Я, как эти расшатанные, скрежещущие ходунки.

Слышу из соседней палаты, как некая Маргарита Васильевна переспала с соседским доберманом, и теперь он не смотрит на других сук, не спаривается, а только скулит. Хозяева псины хотят засудить бедную женщину, а у ведущего припасен еще какой-то сногшибательный гость. Похоже на «Пусть говорят», но это не точно.

Не знаю, в студии ли доберман, но намереваюсь это выяснить. А заодно посмотреть в глаза этому глухому телеманьяку.

Останавливаюсь в дверях. Палата одноместная. Кто лежит на кровати не разобрать, но больше всего напоминает гигантский моток тюли.

– Бедняжка, – раздается голос за спиной. Это Варя, она сегодня дежурит, хорошая девочка, только нос сует везде и катетеры больнее других ставит. Может, это как-то связано.

– Ее к нам из ожогового перевели, долечиваться, – добавляет Варвара.

Теперь вижу, что да, это погорелица. «Белый бинт – Черное ухо», приходит на ум злая шутка.

– Аха хие хаут? – пытаюсь узнать у медсестры.

– Валентина, – отвечает та. – Валя.

– Хии-иха, – мотаю головой в сторону телевизора, вкладывая в это шестизвучие все накопившиеся вопросы.

– У нее вся семья в доме сгорела, – тихо произносит Варя, – муж, трое деток. Она сама чудом в живых осталась, обожженная вся. Борис Дмитрич сказал телевизор не выключать, наоборот погромче сделать, чтоб в себя не уходила. Пусть, говорит, бесит, это тоже чувства.

Борис Дмитрич разбирается в раздражителях.

– Я на посту буду, мне еще лекарства на утро подготовить нужно, – осматривает меня, прищурившись, – а вы не уходите далеко. И не шумите сильно.

Да ей хоть сейчас в медицинский стендап. «Не волнуйся, Варечка, я буду тут, под окнами. Обещаю лежать тихо».

На экране Гордон виновато пожимает плечами.

Тыдыщ. Тыдыщ. Тыдыщ. Незаметно подкрадываюсь к изголовью. Там, где нет бинтов, видно, как поиздевалось над ней пламя.

Кажется, мы – коллеги. Потерять все, заодно потеряв себя. Добро пожаловать в бутик бракованных людей, сестренка.

Сдаться? Уйти сейчас? Кому многое дано, с того особый спрос. Кажется, мне дано бесконечно много. Нас пугают судьбой, но судьба – это и есть мы, как бы вокруг ни пытались доказать обратное.

Я понятия не имею, что будет завтра. Но теперь я точно знаю, что оно будет. Шесть грустных букв, из которых выросло слово, полное надежды. Полное самой жизни.

Аккуратно поправляю одеяло и кряхтя поднимаюсь.

Она заслуживает шанс на жизнь. Я заслуживаю возможность уйти, но уйти не так. Не сейчас.

– Хпи. Я хафра ихьо хайду.

Я выключаю телевизор.